

пишет: «Давая новые слова, я приношу новое содержание, где все стало скользить...».¹⁶ Ларионов подчеркивает те же качества в лучистской живописи: «Картина является скользкой <...> живопись делается равной музыке».¹⁷ М. Матюшин использует аналогичный образ в одном из своих текстов: «Расплавленное слово в своем звукоряде даст силу новому <...> Волна из глубин сплавит все точки в один ценный слиток, и горячая лава сожжет всю грязь бытосмысла».¹⁸ Лисицкий в одной из статей начала 1920-х годов также рисует образ мира, находящегося в состоянии головокружительного бега, неустойчивости и непрестанных трансформаций: «Мы увидели себя внутри потока. Мы увидели бег. Мы увидели жизнь и формы трепещущими и содрогающимися от пробегающих в них сил».¹⁹ По нашему мнению, свобода от формальных ограничений придает искусству особую подвижность, легкость, заряжает его энергией не прекращающегося становления.

В вышеказанном заключается наше понимание кровной связи между русским национальным менталитетом (как его понимал Бердяев) и некоторыми характерными чертами русского авангарда. Может быть, не все выглядит убедительным, но нам думается, что именно в основах национальной культуры лежит самое существенное, что определяет национальное своеобразие того или иного художественного явления, в частности и русского авангарда.

¹⁶ Крученых А. Декларация слова как такового. С. 72.

¹⁷ Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания. С. 367.

¹⁸ Матюшин М. О старом и новом в музыке (Отдел рукописей Государственного музея В. В. Маяковского. Ф. 11. Оп. 1. № 1).

¹⁹ Эль Лисицкий. Преодоление искусства // Эксперимент. 1999. Т. 5. С. 141.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-107-113

НОВОНАЙДЕННЫЕ ПИСЬМА М. А. ВОЛОШИНА: К ИСТОРИИ «ОСТРОЙ ДРУЖБЫ» С М. С. И М. О. ЦЕТЛИНЫМИ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Г. В. ПЕТРОВОЙ)

Отношения между М. А. Волошиным и семейством политэмигрантов Цетлиных: поэта, критика, переводчика, издателя Михаила Осиповича (1882–1945; лит. псевдоним Амари¹) и его супруги, Марии Самойловны (1882–1976; урожд. Тумаркиной), сыграли важную роль в творческой биографии поэта в сложный период, связанный с событиями Первой мировой войны и русской революции. Их переписка, рассредоточенная по разным хранилищам, по большей части уже опубликованная,² охватывает 1915–1918 годы.

Сближение с Цетлиными, вероятно состоявшееся не без участия давнего старшего друга Волошина А. В. Гольштейн,³ произошло весной 1915 года в Париже, куда

¹ См.: Цетлин М. (Амари). Цельное чувство: Собр. стихотворений / [Сост., подг. текста, послесловие и комм. В. Хазана]. М., 2011; Хазан В. И. «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни»: (материалы к портрету Михаила Цетлина) // Вокруг редакционного архива «Современных записок»: (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов / Под ред. О. Коростелева, М. Шруббы. М., 2010. С. 66–103.

² См.: Волошин М. Собр. соч. М., 2011. Т. 10; 2013. Т. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Волошин*, с указанием номера тома, книги и страницы.

³ О ней см.: Торин А. Об Александре Васильевне Гольштейн (1850–1937) // Преображение. 1995. № 3. С. 68–70; Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Публ., вступ. статья и комм. М. Вахтеля и О. А. Кузнецовой // Studia Slavica (Budapest). 1996. Т. 41. С. 335–376; «Обнимаю Вас и матерински благословляю...». Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подг. текста, предисловие и прим. А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 159–160.

поэт прибыл из Дорнаха, где участвовал в строительстве Гетеанума.⁴ В Париже на протяжении всего 1915-го и начала 1916 года, до отъезда поэта в Россию, он регулярно общался с Цетлиными, почти ежедневно⁵ бывая в их особняке на авеню Анри Мартен, 91.⁶ Этот период позже получит авторское определение — время «острой дружбы» с Цетлиными (Волошин; 7-2, 203). После духовно-экзальтированного сообщества антропософов он попадает в крепкую либеральную среду русских интеллигентов с выверенной шкалой определенных нравственных ценностей и поведенческих ориентиров. Здесь, в доме Цетлиных, Волошин находит и своеобразный противовес богемной среде парижской «Ротонды», с которой в этот период его связывают также приятельские отношения и художественные интересы.

Молодые друзья, как называл в своих письмах Волошин Цетлиных, не только поддерживают его творческие начинания, будучи его поклонниками, но и помогают Волошину материально. Цетлины, совладельцы чаеоторговой фирмы «Высоцкий и Сыновья»,⁷ с финансовой точки зрения были достаточно состоятельны и могли себе позволить подобную благотворительность.

В 1915 году для летнего отдыха и работы в распоряжение Волошина Цетлины предоставили свою виллу в Биаррице. М. О. Цетлин купил ряд картин поэта (Волошин; 10, 315–316, 365–366, 393), а М. С. Цетлина выступила заинтересованным ценителем его поэтических опытов. Приведем ряд ее откликов на посылку Волошиным стихотворений: «Мы получили вчера №№ 4–5 „Аполлона“ и читали Ваши стихи, там помещенные. Они прекрасны все, „Усталость“ — необыкновенна, и я как читатель приношу Вам и за это мою большую благодарность» (письмо от 4 июля (н. ст.) 1915 года); «Я прямо счастлива, что ты опять пишешь стихи, и я могу их получать и читать. Это такое исключительное наслаждение» (письмо от 26 августа 1917 года).⁸

Волошин вводит в дом к Цетлиным К. Д. Бальмонта, Маревну (М. Б. Воробьеву-Стебельскую), И. Г. Эренбурга, Б. В. Савинкова и др. Отчасти Волошин становится душой и генератором творческой атмосферы в литературно-художественном салоне М. С. Цетлиной в Париже.

В 1915 году по инициативе Волошина М. О. Цетлин в Москве организует новое издательство «Зерна» (первоначальное название, Волошиным «извлеченное», как иронично отмечал Эренбург в одном из писем к Савинкову, — «Иверни»⁹). В нем вышло в свет несколько книг: французские переводы Эренбурга,¹⁰ книгу стихов Волошина,¹¹ а также поэтический альманах — «Весенний салон поэтов», куда вошли произведения 38 поэтов, от признанных и знаменитых до начинающих и малоизвестных: С. Абрамова, Г. Адамовича, Амари (М. О. Цетлина), А. Ахматовой, К. Арсеновой, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, Андрея Белого, А. Блока, С. Боброва, В. Брюсова, И. Бунина, Д. Бурлюка, М. Волошина, А. Герцык, З. Гиппиус, А. Глобы, Н. Гумилева, С. Есенина, Вяч. Иванова, Рюрика Ивнева, В. Инбер, В. Каменского, Н. Клюева, Н. Крандиевской, М. Кузмина, Е. Кузьминой-Караваевой, К. Липскерова, О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Моравской, С. Парнок, Б. Пастернака, С. Рафаловича, Б. Савинкова (Ропшина), С. Соловьева, Ф. Сологуба, И. Северянина, М. Тумповской,

⁴ Об этом периоде в жизни Волошина см.: Волошин; 7, 2, 165–174; Волошина-Сабашникова М. В. Зеленая змея. Мемуары художницы. (Первое русское издание). СПб., 1993. С. 232–253 и др.

⁵ Хронику этого периода в жизни Волошина см.: Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 362–393. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: *Тид*, с указанием номера тома и страницы.

⁶ Аллой Р. Париж для зевак. СПб., 2010. С. 341.

⁷ См.: Чайный Дом. Историческое чаепитие в особняке Высоцких; см.: <http://files.eshkolot.ru/18.11.12%20%281%29.pdf>; дата обращения: 31.07.2019.

⁸ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 5–6, 45.

⁹ См. письмо И. Г. Эренбурга Б. В. Савинкову, датированное предположительно 20 декабря 1915 года: Эренбург И. Письма: [В 2 т.] М., 2004. [Т. 1:] 1908–1930. «Дай оглянуться...» / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским. С. 72.

¹⁰ Вийон Ф. Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения / Пер. и биографический очерк И. Г. Эренбурга. М.: Зерна, 1916.

¹¹ Волошин М. Anno mundi ardentis. 1915. М.: Зерна, 1916.

В. Ходасевича, М. Цветаевой, Т. Чурилина, М. Шагинян, Н. Шапира, В. Шилейко, И. Эренбурга.¹² Дальнейшему развитию издательских планов помешала революция и Гражданская война.

Отношение в среде русской творческой интеллигенции к Цетлиным не было однозначным. Эренбург писал о них Савинкову в декабре 1915 года: «Взрослые, скучные, играют в бирюльки...»,¹³ — и уточнял: «...о моих визитах к Цетлину. Вчера я допивал там оставшийся после Вас ликер. <...> Щипчики для сахара, грудастые бабы над роялем, Гоген <1 слово нрзб.> и пр. И стишки вот!.. Так у меня появилось отвращение непреодолимое к искусству, к своим стихам, ко всем, кто причастен к этому мерзкому делу...».¹⁴ Справедливости ради следует сразу отметить, что позже в своих воспоминаниях Эренбург не только значительно смягчит характеристику Цетлиных, но и даст психологический комментарий своей былой резкости: «Наверное, я был несправедлив к Михаилу Осиповичу, но это диктовалось обстоятельствами: он был богатым, приветливым, слегка скучающим меценатом, а я — голодным студентом».¹⁵

Наиболее точно вся неоднозначность отношения к Цетлиным передана в воспоминаниях Воробьевой-Стебельской: «Однажды вечером Волошин привел меня в салон М. и Mme S. (имеются в виду М. О. и М. С. Цетлины. — Г. П.), которые были восторженными покровителями искусства. <...> Mme S., красивая, высокая, величавая, восседала среди своих гостей, большинство из которых составляли мужчины. Она вела разговор, вращавшийся среди искусства и политики. Мне она показалась слишком многословной. Ей хотелось любой ценой показать себя знатоком искусства, особенно современного. В какой-то момент Савинков шепнул мне: „Какая жалость, что такая прелестная женщина не может закрыть рот!“

Сначала мне было неудобно в этих изысканных комнатах с роскошными коврами и дорогой мебелью. Было странно видеть здесь Эренбурга, с длинными волосами, в начищенных туфлях, выбивающего свою трубку в любом месте, где придется. Он заметил мой взгляд и сказал громко: „Ну, Маревна-царевна, что ты смотришь на меня? Не правда ли, я хорош на фоне кресла с красной обивкой?“ Я засмеялась.

Постепенно мое смущение исчезло, и я полюбила вечера вокруг большого стола, уставленного едой и напитками, где я слушала, как эти поразительные личности старались блеснуть друг перед другом. Ривера, жуя, произносил длинные зажигательные речи об искусстве и политике. Волошин парировал энергичными репликами. Сдержанный Савинков слушал разговоры с иронической усмешкой. Ему тоже все это нравилось, и я знала, что он притворяется, когда говорит, что сыт по горло „смехотворным салоном гоняющейся за знаменитостями, пышногрудой Mme S., которая вознамерилась меценатствовать“».¹⁶

На этом фоне еще ярче проявляются особенности характера и натуры самого Волошина — открытость миру и людям, духовная щедрость, просветительство, независимость взглядов и суждений, о чем неоднократно писали и современники, и исследователи его творчества.

* * *

В настоящей публикации представлены два письма Волошина к Цетлиным за 1916 год, которые до последнего времени были неизвестны и совсем недавно выявлены в составе Собрания М. С. Лесмана в Рукописном отделе Пушкинского Дома.¹⁷

¹² Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918.

¹³ Эренбург И. Письма. Т. 1: 1908–1930. С. 72.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1, 2, 3. М., 2005. С. 127.

¹⁶ Маревна (Воробьева-Стебельская М.). Моя жизнь с художниками «Улья» / Пер. с англ. М. Уманцева. М., 2004. С. 72–73.

¹⁷ Аксененко Е. М. Материалы М. А. Волошина (наст. фам. М. А. Кириенко-Волошин) в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 11 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2017 год. СПб., 2018. С. 656–657.

Речь идет, во-первых, о небольшой недатированной записке Волошина, дающей представление о степени близости поэта к дому Цетлиных и особенностях литературного быта русской эмиграции периода Первой мировой войны. Важно отметить, что это самый ранний текст из известных писем Волошина к Цетлиным 1916 года.

Второй текст, представленный в настоящей публикации, — это фрагмент письма Волошина М. С. Цетлиной, относящийся к первым числам декабря 1916 года. Во второй половине этого года эпистолярный диалог между Волошиным и М. С. Цетлиной из-за нестабильной работы почты во время Первой мировой войны велся непоследовательно. Часто содержание писем Волошина к Цетлиной осени 1916 года повторялось. Публикуемый фрагмент интересен тем, что конкретизирует представления об отношении Волошина к войне в период его пребывания в России, накануне революционного 1917 года, и содержит целый ряд указаний на отдельные историко-литературные события, в том числе проясняет историю французского издания переводов стихотворений Бальмонта.

Таким образом, настоящая публикация оказывается значима с историко-литературной точки зрения и помогает восполнить некоторые пробелы творческой биографии Волошина.

Письма Волошина публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Собрании М. С. Лесмана (Ф. 840. Оп. 11). Тексты приведены к нормам современной орфографии и пунктуации с сохранением отдельных индивидуальных особенностей.

1 М. С. и М. О. Цетлиным

<Около 19 (20) февраля / 3 (4) марта (н. ст.) 1916 года; Париж>¹

Дорогие Мария Самойловна и Михаил Осипович, я все-таки сегодня не смогу прийти к Вам.² Т<о> е<сть> я бы мог, но думаю, что лучше мне еще просидеть дома этот день. Если можно — зайдите ко мне до обеда. — Но если это Вас не устраивает — ни в каком случае, если неудобно.

Моя поездка в Ниццу³ расстраивается совсем, т<ак> к<ак>, судя по полученным сегодня письмам, я получу деньги от Бальмонт⁴ одновременно с моими⁵ и, верно, на днях. Спасибо — за питание. Если возможно — пришлите еще и сегодня вечером чего-нибудь. Спасибо за цветы.

Максимилиан Волошин.

¹ Датируется по содержанию.

² О болезни, перенесенной Волошиным в конце февраля — начале марта (н. ст.) 1916 года, свидетельствует также его ответ Б. В. Савинкову на письмо от 1 марта (н. ст.) 1916 года: «Ваше письмо я получил совсем больной, в жару» (Волошин; 10, 464). О болезни речь идет и в одном из писем М. В. Сабашниковой к Волошину, которое в собрании сочинений поэта ошибочно датируется концом января 1916 года: «Не сердись, не обижайся. Надеюсь, ты уже здоров» (Волошин; 11-2, 673). Согласно летописи жизни и творчества Волошина, составленной В. П. Купченко, 19 февраля / 3 марта и 20 февраля / 4 марта — дни, когда Волошин не выходил из дома, в один из этих дней, вероятно, и была отправлена настоящая записка. 21 февраля / 5 марта вечером он уже обедал у Цетлиных (ТцД; 1, 390–391).

³ Речь идет о планировавшейся Волошиным, возможно, вместе с И. Г. Эренбургом, поездке в Ниццу к Савинкову, с которым он плотно общался в 1915 году, когда последний приезжал в Париж, а позже вел переписку. Об их взаимоотношениях см. статью З. Д. Давыдова и В. П. Купченко: Волошин М. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 363–383; см. также: Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 330–333.

⁴ С Бальмонтом Волошин прожил вместе в Париже первую половину 1915 года, он же проводил его в Россию 15/28 мая 1915 года (ТцД; 1, 371). Бальмонт⁴овские письма этого периода к Волошину неизвестны.

⁵ Вероятно, речь идет о письме матери, Е. О. Кириенко-Волошиной, которое было получено Волошиным 21 февраля / 5 марта 1916 года (см.: *ТВД*; 1, 391), и о деньгах, которые Волошин попросил у матери для возвращения из-за границы в Россию. Намерение вернуться в Россию определилось у Волошина в декабре 1915 года, о чем он извещал А. М. Петрову 2/15 декабря: «В Россию я возвращаюсь весной. В апреле буду в Москве, а к маю приеду в Крым. <...> Думаю о возвращении с некоторым страхом. Возвращаюсь только потому, что знаю, как мама тоскует без меня» (*Волошин*; 10, 460). 23 декабря / 5 января в несохранившемся письме к матери он просил выслать деньги на дорогу (*ТВД*; 1, 386). 11/24 января 1916 года Е. О. Кириенко-Волошина просила К. В. Кандаурова о возвращении долга для отправки денег на дорогу Волошину (*ТВД*; 1, 388). Деньги были высланы Волошину 1/14 февраля из Москвы — 540 франков (300 рублей). Волошин выехал из Парижа 26 марта / 8 апреля и «окольным путем», через Англию, Норвегию, Швецию, Финляндию, вернулся в Россию 5/18 апреля 1916 года (*ТВД*; 1, 393–394).

2

М. С. Цетлиной

<Первые дни декабря 1916 года; Коктебель>¹

<...>²

Ты зовешь меня приехать в Париж летом, даже если не кончится война.³ Как мне не хочется этого, но это невозможно. Для мамы это будет слишком тяжело. Она ничего не имеет <против?>, когда я в Париже в мирное время, когда можно быстро вернуться по желанию, но мое отсутствие во время войны печалило, главным образом, невозможностью быстро вернуться, вызвать меня.

И на самое путешествие во время войны у меня не хватит денег. Это ведь целый капитал. Это можно было сделать раз для возвращения. Но если ты приедешь в Россию летом, то я сейчас же еду тебя увидеть, хотя я думал, и надеюсь, что ты сама приедешь в Коктебель.⁴ Ты ведь не <на> несколько дней же вернешься в Россию? Хотя, конечно, мне хотелось бы лучше показать тебе Коктебель весной или осенью, когда не так много народа.

Но как только война кончится, я с первым же поездом поеду в Париж и мечтою в этом очень.

Пока же, т<ак> к<ак> война, очевидно, этим летом не кончится, буду ликвидировать свои литературные долги, т. е. писать «Дух Готики»,⁵ т<ак> к<ак> я и в этом году, занятый Суриковым,⁶ ничего не успел сделать. Но вернусь ранней весной и буду работать над ним.

Получил вчера твое французское издание Бальмонта.⁷ Оно мне очень нравится внешне и внутренне. Радостно, что оно есть и что Бальмонт теперь имеет право гражданственности и во французской поэзии.

Я его так и не видал с возвращения. И опять, верно, не встречу в Москве,⁸ т<ак> к<ак> оно <так!> 7 декаб<ря> выезжает на Кавказ с оконченным переводом «Барсовой шкуры»⁹ и очевидно прямым променом на выезд Грузии.

Кончаю письмо. До свидания.

Привет Мише. Целую Валю¹⁰ и Шурочку.¹¹

МАХ.

¹ Ответ на письмо М. С. Цетлиной от 12–13 ноября (н. ст.) 1916 года из Парижа.

² Начало письма не обнаружено.

³ Речь идет о Первой мировой войне. Цетлина писала Волошину: «...мне оч<ень> хочется, чтобы ты к нам приехал. По-моему, летом ты должен приехать, если война и не кончится, мы оч<ень> тебя зовем и приглашаем к себе» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 41).

⁴ Цетлины проживали за границей на правах политических эмигрантов, и намерение вернуться в Россию, видимо, обсуждалось среди планов на 1917 год. См.: *Хазан В.* «От книги глаз не подыму». О личности и творчестве Михаила Цетлина // Цетлин М. (Амари). Цельное чувство. С. 267–270. М. С. Цетлина писала Волошину: «Очень возможно, что я сама летом поеду в Россию. Мне хочется приехать за моим отцом и отвезти его к матери в Лозанну. Я только боюсь оставить детей, т<ак> к<ак> можно долго не получить обратного паспорта, и не решаюсь брать детей с собой, чтобы их не переутомить. Если я приеду летом, ты приедешь в Москву со мной

повидаться?» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 41–41 об.). Возможность приезда Цетлиных в Россию появилась после революционных событий февраля–марта 1917 года. Однако Волошин писал Цетлиной 10 мая 1917 года: «Мне кажется, что, несмотря на весь соблазн, вы очень хорошо сделали, что не приехали, потому что сейчас ехать в Россию — безумие; да и жизнь здесь — вся полная неизвестность» (Волошин; 10, 587). Цетлины приехали в Россию во второй половине июля 1917 года. См. письмо Цетлиной Волошину от 26 июля 1917 года из Москвы (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262). Волошин сообщил в письме к Р. М. Гольдовской от 8 августа 1917 года, размышляя о планах на зиму 1917–1918 годов: «Я-то всегда могу остановиться у Цетлиных — молодых моих парижских друзей, которые только что возвратились из эмиграции через Америку и Японию» (Волошин; 10, 624). В Коктебеле летом 1917 года Цетлины не появились, а осенью 1917 года рассматривали возможность приобретения там участка под строительство дома. См. письма Волошина к Цетлиной и ее брату, Р. С. Тумаркину (Волошин; 10, 675–676, 679–682). Весной 1918 года Цетлины переберутся в Одессу, из которой в апреле 1919 года отплывут на пароходе в Константинополь.

⁵ Речь идет о неосуществленном замысле Волошина, который датируется 1913 годом. Книга была анонсирована в издательстве М. и С. Сабашниковых. План этой книги известен по письму Волошина М. В. Сабашникову, написанному в мае 1913 года: «Посылаю Вам приблизительную программу книги о Готике. / Я предполагаю назвать ее „Дух Готики“ или „О ДУХЕ ГОТИКИ“ — это всего вернее. <...> Главной путеводной нитью мне будут служить два громадных труда Emile Mâle „L'Art de XIII siècle“ и „L'Art de la fin du Moyen-Age“. Я постараюсь дать их экстракт в IV и V отделах книги. Но попутно включу туда и свои сообщения и дополнения. Главная цель книги: чтобы с нею в руках можно было прочесть Готический собор сверху донизу, как в его архитектуре, так и в его символах. Дать полный ключ к готике. / Но кроме Mâle'я я буду пользоваться и многими другими трудами, конечно (André Michel, Enlart, Quicherat, Brutails, Gaston Paris, Langlois, Courroyer). Иллюстрирую все описаниями из Гюисманса, Гюго и др.<угих> писателей, подходивших к готике» (Волошин; 10, 23). Более подробно об этом неосуществленном замысле Волошина см.: Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. С. 303–329. О своих планах закончить работу над книгой Волошин сообщил Цетлиной и в письме от 3 сентября 1916 года: «Теперь мои планы <...> написать за осень часть „Духа готики“...» (Волошин; 10, 513).

⁶ Речь идет о книге Волошина «Суриков», над которой он работал с 1913 года по заказу И. Э. Грабаря. Книга была завершена осенью 1916 года и одобрена Грабарем, но к этому времени было разгромлено издательство И. Кнебея, которое должно было выпустить книгу. При жизни Волошина книга так и не увидела свет. Подробнее см.: Волошин; 3, 363–451, 560.

⁷ Речь идет об издании: Balmont K. Quelques poèmes / Trad. du russe par A. de Holstein et Rene Ghil. Paris; Zürich, 1916. О предыстории издания см. комм. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова к переписке В. Я. Брюсова с Волошиным (Лит. наследство. 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 339–340), а также письма Р. Гиля к А. В. Гольштейн: Adamantova V. Lettres inédites de René Ghil à Alexandra de Holstein // Revue des études slaves. 1991. Т. 63. Fasc. 4. P. 801–836. На ранней стадии Волошин участвовал в подготовке этого издания. В недатированном письме 1915 года Гольштейн писала Волошину: «Вчера Ghil приходил, чтоб сообщить веселую новость: *en principe*, Crès согласен продать Бальмонта. В начале этой недели у Ghil'я будет свидание с Crès'ом для переговоров в подробностях, после чего Цетлину останется только проверить договор Ghil'я и подписать контракт, если ему покажутся приемлемыми условия издателя. Передайте все это Mme Цетлин, извинившись за меня, что пишу Вам, а не ей. Пишу Вам потому, что теперь надобно немедленно писать предисловие. Засаживайтесь за него теперь же — книгу надобно выпустить к марту, по мнению Ghil'я. Теперь такие времена, что шрифты не ждут, как в обычное время» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 438. Л. 75–76). Также в одном из недатированных писем этого периода Гольштейн обращалась к Волошину: «Подумали ли Вы, Макс, о составлении библиографии? Гиль хотел Вам написать, когда я видела его в последний раз — верно, забыл. Это необходимо сделать теперь же. У Вас под рукой все сочинения Бальм-монта». Сделайте это поскорее. Переводов список у меня, но он не нужен или неважен» (Там же. Л. 99–99 об.). Волошин включился в работу по подготовке к изданию избранных стихотворений Бальмонта на французский язык. Сохранился набросок его статьи о Бальмонте, относящийся к марту 1915 года, который, возможно, был связан с этим изданием. См.: Волошин; 6, 2, 321–322, 859–860. До нас не дошло письмо к Е. А. Андреевой-Бальмонт от 31 октября / 13 ноября 1915 года, где Волошин рассказывал о подготовке издания и просил выслать ему биографические сведения о Бальмонте (ТД; 1, 383). См. письмо к Волошину Н. К. Бальмонт, отправленное из Москвы 22 ноября 1915 года: «Милый Макс, Мама получила Твое письмо от 13-го и пишет тебе большое письмо с биографическими датами. Ты их еще найдешь в „Русс<кой> лит<ературе> XX в<ека>“ Венгерова (Том VI). Эта книга есть где-нибудь в нашей квартире; отыщи ее на полках. Папа сейчас в Сибири на Турнэ, в Москве будет не раньше 20 декабря. Мама жалеет, что ему нельзя рассказать о твоём секрете» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 232. Л. 3). В свою очередь Андреева-Бальмонт ответила Волошину в письме от 28 ноября / 11 декабря 1915 года: «Очень

приятно, что франц<узская> книга Б<альмон>та выйдет, но я жалею, что это делается в тайне от К. Д. Я выслала Вам т<ом> Венгерова <...> дня 3 тому назад. Я думаю, лучше всего будет перевести автобиографию Б<альмон>та» (Там же. № 229. Л. 19). Издание «*Quelques poèmes*» Бальмонта вышло только в 1916 году с неавторизованным предисловием («*Préface*»), имеющем прямые переклички с автобиографией Бальмонта, представленной в книге: Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 57–64. Цетлина сообщила Волошину в письме от 12–13 ноября 1916 года: «На днях пошло тебе стихи Бальмонта по-французски...» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 42). К истории французского издания избранных стихотворений Бальмонта можно добавить, что она нашла отражение и в переписке самого автора с Цетлиной. В феврале 2016 года аукционный дом «Империя» (лот 320) выставил на продажу книгу Бальмонта «Зарево зорь» (М.: Гриф, 1912) из библиотеки казака А. В. Леонтьева (о нем см.: *Запевалов В.* Памяти Александра Викторовича Леонтьева // *Русский вестник*. 2002. № 8–9; <http://www.sestroretsk.com/my-romnim/40797/>; дата обращения: 31.07.2019), на форзаце которой были приклеены два недатированных фрагмента писем Бальмонта к Цетлиной, относящихся к периоду пребывания Цетлиных в Москве (осень 1917 — зима 1918 года). В одном из писем речь идет об упомянутом издании: «Я говорил с Мих<аилом> Ос<иповичем>, но он, верно, забыл о своем обещании. Мне очень нужно 20 экз<емпляров> моих „*Quelques Poèmes*“ («для пропаганды», — я рассчитываю повторить мою conference, — и Ренэ Гиль попросил у меня несколько экз<емпляров>»). Так как женское сердце более памятливо и заботливо, пишу Вам и прошу об услуге. Когда же буду иметь радость видеть Вас и М<ихаила> Ос<иповича> у себя? Желая всего лучшего. Целую Ваши руки. Ваш К. Бальмонт» (цитируется по автографу; см.: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=41936>; дата обращения: 31.07.2019).

⁸ Волошин вернулся в Россию в апреле 1916 года, в это время Бальмонт путешествовал по Сибири и Японии. См.: *Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.* Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. Когда Бальмонт вернулся из путешествия, Волошин уже уехал в Коктебель. Поэты встретились 29 декабря 1916 года в Москве (см.: Лит. наследство. Т. 98. Кн. 1. С. 237), куда Волошин приехал 28 октября вместе с Е. О. Кириенко-Волошиной. Вторая поездка Бальмонта в Грузию состоялась летом 1917 года. См.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 337–339; *Андгуладзе Лия.* Бальмонт и Грузия. М., 2002. С. 85–96, 153, 191, 206–209.

⁹ Речь идет о работе Бальмонта над переводом эпической поэмы Ш. Руставели «Вепхисткаосани», которая была начата в 1914 году и закончена в 1916-м. Перевод был издан в 1917 году: *Руставели Ш.* Носящий барсову шкуру: Грузинская поэма XII в. / Пер. К. Бальмонта. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917. Переиздан в серии «Библиотека поэта» в 1988 году.

¹⁰ Цетлин Валентин Михайлович (Валентин Вольф, 1912–2007) — сын М. О. и М. С. Цетлин, в будущем американский психоаналитик, выпускник медицинского факультета Оксфордского университета (1944), в 1967–1970 годах президент Нью-Йоркского фрейдистского общества (New York Freudian Society).

¹¹ Авксентьева Александра Николаевна (в замуж. Прегель, 1907–1984) — дочь М. С. Цетлиной от первого брака с политическим деятелем Н. Д. Авксентьевым (1872–1943).

DOI: 10.31860.0131-6095-2019-4-113-134

НА РАЗВАЛИНАХ БЫТИЯ (В. В. РОЗАНОВ И П. П. ПЕРЦОВ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕПИСКИ)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)

Переписка Василия Васильевича Розанова (1856–1919) и Петра Петровича Перцова (1868–1947) велась на протяжении 20 лет: с осени 1896-го до сентября 1918 года. Представленные ниже письма, которыми корреспонденты обменялись в 1918 году, — ее завершающий этап. Предшествующий диалог, весьма пестрый по содержанию, наполненный обсуждением прежде всего литературных и философских проблем, оборвался в мае 1917 года. Причиной была не только разразившаяся Февральская революция и связанные с ней перемены бытия, но, вероятно, и разная оценка произошедших